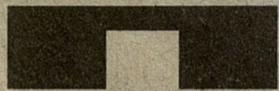

Евгений Бень

оявление книги о поэте в наши дни — явление совсем не частое. Тем паче, когда книга, написанная в России, ныне выходит за ее пределы. И вот передо мной сигнальный экземпляр труда Генриха Горчакова «О Марине Цветаевой. Глазами современника», только что выпущенного в США издательством Antiquary.

Автор книги не знал поэта лично, родился на без малого три десятилетия позже Цветаевой, репрессирован же был всего три года спустя после ее смерти в Елабуге.

В подзаголовок своей книги он вынес емкую многозначительную формулу: «Глазами современника». И, полагаю, правота автора здесь зрима, ибо он ощущает Марину Цветаеву своим современником, поэтом дня сегодняшнего, утверждает, что

о литературе, созданная живым языком, в сочетании с научным анализом текстов. Жанр редкий в нашем многострадальном отечестве, и, думаю, в предшествующие десятилетия исчезнувший из российской словесности едва ли не вовсе. С одной стороны, исследования о поэтах были представлены размышлениями над «закрытой» книгой по отработанным в традиционном «литературоведении» алгоритмам, а иной раз попытками оригинального самостоятельного философствования, к которому не более чем поводом являлись тексты художественных произведений. С другой стороны, имели место спецификаторские, тяготеющие к формальным, наблюдения над особенностями и деталями литературной «ткани».

Книга Горчакова, составленная из восьми работ, написанных в 1980-е годы, представляет собой естественный организм вживания ее создателя в «историю души» Марины Цветаевой. «Я стал заниматься Мариной Цветаевой, потому что хотел

До сих пор
Отражения

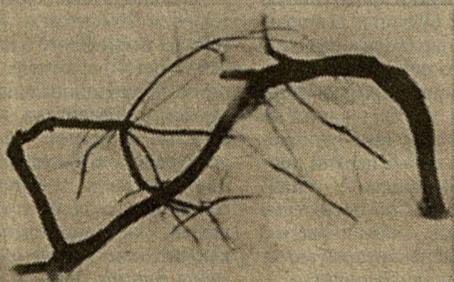
О Цветаевой, явившей в своем раннем «Вечернем альбоме» мир свободной игры русалок, дофинов, царевен, диванов-кораблей. Цветаевой, осознавшей в сборнике «Юношеские стихи» неприкаянное одиночество, «жар души», пронесенный через всю жизнь. О Цветаевой, для которой мотив бытия души был важнейшим в ее зрелом творчестве.

«Поэзия Марины Цветаевой не отрицает одиночество души, — пишет автор книги. — Наоборот, она это одиночество утверждает. Но из слабости она

Не только о поэзии, *сегодня. — 1994. — 19 марта. — с. 9.* а прежде всего о поэте

Генрих Горчаков

О МАРИНЕ ЦВЕТАЕВОЙ

глазами современника

она дерзновенно опередила свое время, что во многом и определило трагичность ее судьбы. «...Цветаева — знавшая себе цену — постоянно ощущала себя вытесняемой своим временем. Марина Цветаева вытеснялась потому, что постоянно перерастала поэтическое сознание своего времени». Не случайно, что в начале 1920-х годов Валерий Брюсов, а в конце 1930-х годов Корнелий Зелинский воспрепятствовали выходу в России цветаяевских книг, одинаково назвав их «несвоевременными».

Поэт, противопоставлявший себя своему жестокому веку, во многих отношениях выразил его дыхание в своем пути, как бы на десятилетия опередив движение времени.

Книга Горчакова — это книга синтетической прозы о поэте. Это художественная литература

осознать то главное, что она сказала за меня». Мысль для сухой хрестоматийной литературоведческой науки абсолютно неприемлемая. Но сознание автором книги его духовной близости к поэту — не голая декларация, ибо в данном случае оно подкреплено многолетним собиранием цветаяевских материалов, и прежде всего скрупулезным разнообразным разбором ее стихотворений, прозы, писем. Чрезвычайно важная черта книги Горчакова в том, что она не только о произведениях поэта и даже не только о поэзии, а прежде всего о Поэте — Марине Цветаевой, не понятой и не признанной большинством знавших ее современников, не пережившей при жизни периода общественной славы, пристрастно интерпретируемой долгие годы после ее кончины.

превращает его в силу. Для души нет понятий жизни и смерти, гибели или спасения. Для Цветаевой значимы только одни понятия: души и без-душия». Это — книга о поэте, всю жизнь ждавшем сочувственного, соучастного слова-отклика в стихах, переписке и в жизни каждодневной. Книга о трагедии поздней Цветаевой и ее истоках, сокрытых еще в детских годах, — во взаимоотношениях с матерью.

«Правда... по цветаяевскому кодексу, — любовь. Любовь всегда права. Бог грехи простит, но не измену душе».

Воочию видит читатель, что крайнее бунтарство Цветаевой оборачивается для нее не отрицанием совсем, а утверждением:

Я — это да.
Да — навсегда.
Да — вопреки.
Да — через все!
Даже тебе
Да кричу, Нет!

И выводы работ Горчакова, их цельная концепция произрастают по преимуществу из внимательного прочтения текстов и их вдумчивого многоаспектного осмысления, начисто лишеного как наукообразия, так и стремления потратить непросвещенному читателю.

Эмиграция Цветаевой, ее возвращение, евразийство ее мужа, непроясненный до конца характер его деятельности в 1930-е годы... Все это не только породило и порождает множество слухов и кривотолков вокруг Цветаевой, но и стало соблазном для некоторых ее биографов как в России, так и за рубежом интерпретировать ее судьбу с точки зрения тех или иных идеологизированных установок, что неминуемо ведет к вивисекции организма поэта.

Полагаю, что книга Генриха Горчакова — пример бережного, тактичного отношения к жизни и творениям мастера слова. За ее строками не только многолетние наблюдения за творчеством Цветаевой, но и драматичный личный опыт ее создателя, обреченного после возвращения из сталинских лагерей и ссылки почти три десятка лет работать «в стол».

Часть небольшого тиража недавно изданного в США труда будет доставлена в Москву и, хочется надеяться, станет доступна заинтересованному читателю.